

В. Т. Юнгблюд, О. В. Рычкова

"Foreign Affairs": освещение войны на советско-германском фронте в 1941–1945 гг.

В статье рассмотрены материалы, опубликованные в одном из ведущих американских аналитических журналов "Foreign Affairs", посвященные войне на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. Показано, какие темы в первую очередь привлекали внимание авторов журнала, как менялся характер оценок Советского Союза и Красной армии и как под влиянием этих изменений формировался образ СССР.

Ключевые слова: советско-германский фронт, сопротивление, Красная армия, вермахт, американская периодика, "Foreign Affairs".

V. T. Yungblyud, O. V. Rychkova

"Foreign Affairs": Publicizing of War on the Soviet-German Front in 1941–1945

In article the materials published in one of leading American analytical magazines "Foreign Affairs", devoted to war on the Soviet-German front in 1941–1945 are considered. It is shown, what subjects first of all drew attention of authors of the magazine as character of estimates of the Soviet Union and Red Army changed and as under the influence of these changes the image of the USSR was formed.

Keywords: Soviet-German front, resistance, Red Army, Wehrmacht, American periodical press, "Foreign Affairs".

Журнал "Foreign Affairs", основанный в 1922 г., с момента выхода своего первого номера и по сегодняшний день является одним из самых авторитетных американских периодических изданий в области международных отношений. Являясь органом Нью-Йоркского Совета по международным отношениям, он всегда выделялся внушительным списком авторов, среди которых, помимо знаменитых политических обозревателей и журналистов-международников, были американские и зарубежные государственные деятели, включая глав государств, дипломаты, руководители ведомств, эксперты-аналитики, профессора ведущих университетов. К началу Второй мировой войны популярность журнала, особенно среди представителей интересующейся международными отношениями элиты, а также его репутация компетентного и надежного источника информации по различным аспектам международных отношений представлялись несомненными. В значительной мере это было следствием высокой активности его учредителя – Совета по международным отношениям, руководство которого поставило на постоянную основу контакты своих членов с представителями госдепартамента уже в 1939 г., в результате чего, по словам известного политолога Р. Шульзингера, к концу войны Совет занимал «почти монопольное положение» среди

организаций, готовых снабжать правительство экспертными заключениями, политическими прогнозами и перспективными планами» [1, р. 16–17; 2, р. 110–111]. Осенью 1939 г. Совет утвердил «Проект по изучению проблем войны и мира», в рамках которого вплоть до лета 1945 г. велась непрерывная работа. Согласно статистике, приведенной в итоговом отчете, в общей сложности в процессе выполнения этого проекта было проведено 362 рабочих заседания и подготовлено 682 документа, большая часть которых предназначалась для государственного департамента. Лишь незначительная доля этих материалов в тот момент могла появиться в открытой печати, прежде всего на страницах "Foreign Affairs" [1, р. 22].

Демонстрация материалов, подготовленных в рамках «Проекта», стала важной, но отнюдь не единственной задачей редакции журнала. Круг авторов, излагавших свои мнения на его страницах, был намного шире состава Совета. Общая идейно-теоретическая направленность журнала, тем не менее, на протяжении всей Второй мировой войны выдерживалась достаточно последовательно: редакция ориентировалась, преимущественно на либерально-интервенционистские ценности [3, с. 116–117]

Вполне логично, что статьи, посвященные СССР и его роли в международных делах в 1941–1945 гг., регулярно появлялись на страницах "Foreign Affairs". В этих публикациях затрагивался широкий круг проблем. С одной стороны, их содержание отражало изменения, происходившие в сознании политической элиты США, озабоченной подготовкой политических прогнозов и планов на ближнюю и отдаленную перспективы. С другой стороны – материалы "Foreign Affairs" демонстрируют, как на протяжении 1941–1945 гг. происходили изменения в сознании редакторов и авторов, вовлеченных в подготовку номеров журнала. Важными показателями этих перемен были характеристики, оценки, интерпретации различных событий и процессов, происходивших при участии СССР и формировавших образы России/СССР. Наиболее повторяемыми были темы, связанные с ходом войны на европейском восточном фронте, анализом советской политической системы, грядущей ролью СССР в Восточной Европе, настоящим и будущим американо-советских отношений.

Первые недели советско-германской войны редакция провела в молчании. Требовалось выдержать паузу, расставить приоритеты, спрогнозировать результаты и определиться с принципиальными оценками. Естественно, что главная работа сосредоточилась в интеллектуальном центре – Совете по международным отношениям. 22 августа 1941 г. состоялось заседание Совета, посвященное американской стратегии в новых условиях, «прагматизм которого, – по словам российского исследователя Н. Нарочницкой, – смутил бы Талейрана и Макиавелли» [4, с. 189]. Сама тема заседания «Вопросы американской политики, касающейся нацистско-большевистской войны» и перечень вариантов этой политики, – отмечает Нарочницкая, – демонстрировали «изнанку, весьма отличную от риторики официальных деклараций и обращенных ко всему миру и к СССР инициатив». Стержнем этого заседания стали два главных вопроса: как должны действовать Соединенные Штаты Америки, 1) если большевистский режим сохранится или 2) если большевистский режим падет. Итоговый тезис обсуждения гласил: «Военный результат этой войны решит судьбу не только большевистского режима; он может обусловить огромный процесс перегруппировки сил от Богемии до Гималаев и Персидского залива. Страницы истории открываются вновь, краски снова льются на карты.

Ключ к этому лежит в реорганизации Восточной Европы, в создании буферной зоны между тевтонами и славянами. В интересах Америки направить свои усилия на конструктивное решение этой проблемы, если только желательно предотвратить повторение войны» [4, с. 189–190].

На страницах "Foreign Affairs" первые материалы, посвященные войне на советско-германском фронте, появились в октябре 1941 г. и имели совсем не дружелюбный по отношению к Москве характер. Обращаясь к первоисточкам войны, постоянный автор журнала Б. Хуппер отмечал, что ключом к пониманию этой титанической борьбы служит многовековой поиск равновесия в Восточной Европе между тевтонцами и славянами, католической и ортодоксальной церковью, западным и восточным влиянием [5, р. 18].

Общий тон статьи носил подчеркнуто равноудаленный от обеих воюющих сторон характер и существенно отличался от однозначно коалиционной риторики официального Вашингтона, зато полностью соответствовал установкам Совета от 22 августа. «Нацистское нападение на большевистскую Россию заканчивает один кошмар и начинается другой. Зловещая перспектива коалиции между двумя крыльями мировой революции, которая часто посещала умы западных государственных деятелей в течение пяти лет, была опрокинута бронетанковыми дивизиями Гитлера» [5, р. 18]. «Кошмар коалиции», таким образом, по мнению этого автора, закончился. Но облегчения это не принесло, поскольку сейчас мир, включая и Соединенные Штаты, замер в ожидании победителя. Вероятность победы Гитлера в этой войне ему казалась чрезвычайно высокой. И эта перспектива рождала другой, не менее пугающий кошмар: «В его (то есть Гитлера. – Авт.) победах заложена возможность того, что Германия будет управлять ресурсами и трудовой мощью огромных территорий, простирающихся от Богемии до Гималаев и Персидского залива, и что она будет использовать это преимущество как орудие обеспечения своего доминирования над всей Азией» [5, р. 18].

По своему смыслу позиция Хуппера перекликалась с известным заявлением сенатора и будущего президента США Г. Трумэна, с которым тот выступил 23 июня 1941 г. Гораздо важнее, что текстуально она явно перекликалась с упомянутыми выше установками Совета по международным отношениям от 22 августа. Такого рода взгляды довольно точно выражали восприятие

значительной частью прагматично настроенной американской элиты начала советско-германской войны. Тем не менее, определив наиболее опасного на тот момент для США врага, автор фактически был вынужден существенно скорректировать отношение к тому государству, которое в начавшейся войне было жертвой агрессии и уже в ближайшем будущем могло стать союзником. Хуппер делает это в завершающей части своей статьи, где он расставил итоговые акценты, констатируя, что «1) угроза нацистско-большевистской коалиции миновала; 2) российский большевизм мог бы считаться опасным для всего мира только в случае союза с немецким нацизмом; 3) в результате войны не исключено возрождение российского национального государства, которое даже в условиях большевистского лидерства может отказаться от идеи мировой революции» [5, р. 29].

Хуппер в своих рассуждениях широко применял исторические аналогии. Этот прием довольно часто использовался разными авторами в первые месяцы войны. При отсутствии надежной информации и аналитики и публицисты восполняли дефицит фактов историческими примерами и параллелями. Причем попытки найти объяснение современных событий в истории часто приводили к противоположным результатам. Если Хуппер, например, считал нападение Германии на СССР неизбежным вследствие непреодолимой вражды славян и тевтонцев, то другой автор, наоборот, считал это событие нелогичным и лишённым исторического смысла, поскольку, «за исключением короткого интермеццо во время Семилетней войны, в их отношениях никогда, вплоть до 1914 г., не было военных страниц. С незапамятных времен эти государства необходимы друг другу в экономическом плане. Едва ли существует другой пример такого тесного экономического симбиоза» [6, р. 303].

Профессор Гарвардского университета К. Бринтон, также обращаясь к урокам прошлого, подверг сравнительному анализу два похода против России, имевшие место в разные исторические эпохи – нашествие Наполеона в 1812 г. и нападение Гитлера на СССР в 1941 г. С одной стороны, отмечал этот автор, внешне похожих по смыслу и значению моментов в этих событиях более чем достаточно. Результаты сравнения давали основания для отрадной надежды на благополучный исход войны в Европе, поскольку логично было ожидать, что вслед за неистовым сопротивлением русских на борьбу поднимутся

покоренные Гитлером народы так же, как это случилось 130 лет назад. Но исторические параллели, по мнению Бринтона, не следовало абсолютизировать: новый век принес новые методы войны и новые виды оружия, в распоряжении воюющих сторон теперь имелись средства мощных пропагандистских аппаратов и психологического давления. Угроза полного физического и духовного уничтожения сопротивляющихся народов – вот что отличало войну, которую вел Гитлер от похода Наполеона. Автор нарочито минимизирует роль России в освобождении Европы в начале XIX в. и в сопротивлении фашизму в современной мировой войне. В противовес этому упор делается на отчаянную борьбу Великобритании в обеих войнах [7, р. 213, 218].

Единственным материалом, где исторические аналогии использовались для того, чтобы подчеркнуть особую роль России, оказалась статья министра иностранных дел Мексики Е. Падильи. Он пишет, что попытка Гитлера силой объединить европейский континент не нова. Ранее это пытались сделать Александр Македонский, Юлий Цезарь, Карл Великий и Наполеон Бонапарт. Последний из названных завоевателей «потерпел крушение в огне Москвы и в сугробах у Березины». Положение немецкой армии в 1942 г. сродни ситуации, в которой оказались французы в 1812 г. Вопрос, который ставил автор в связи с этим, был риторическим и не требовал ответа: «Кто сейчас сомневается в судьбе этой мании величия? Несмотря на продвижение немцев, их поражение – это вопрос времени. Фатальная стрелка Апокалипсиса уже нацелена на них» [8, р. 5].

Первую годовщину советско-немецкой войны журнал "Foreign Affairs" отметил аналитической статьей анонимного автора. Признавая главной причиной немецкого ступора зимой 1941–1942 гг. климатический фактор (необычайно ранние и суровые морозы), что стало уже практически нормой для ряда американских периодических изданий, «мистер Х» уделил основное внимание стратегии и тактике противоборствующих сторон в первые месяцы после начала германского вторжения. Обе армии, по его мнению, допустили серьезные ошибки: русские – когда сконцентрировали свои войска слишком далеко от линии Сталина и оголили подходы к Днепру; немцы – когда предприняли «марш на Москву», являвшийся не более чем политической демонстрацией» [6, р. 614, 622]. Ссылаясь на желание соблюсти «непредвзятость» и «объективность», автор с

равным восхищением писал о выносливости и героизме как немецких, так и советских войск, вынужденных месяцами сражаться в условиях суровых холодов, жить в полуразрушенных жилищах и землянках (если речь идет о русских) или наспех возведенных постройках (если говорится о немцах) [6, р. 628]. Тот факт, что одни являлись агрессорами, а другие вели самоотверженную и жертвенную войну, защищая свою землю, свой народ, свои семьи, автором статьи не был принят во внимание и не получил никакой оценки.

Позиция равноудаленности была характерна для многих материалов журнала. Один из его ведущих обозревателей К. Брандт отмечал: «Впервые в этой войне немецкая армия встретила подготовленного и на удивление хорошо оснащенного врага, равного или даже превосходящего по численности, с отменными лидерскими качествами командиров и высоким боевым духом солдат. Немецкие методы молниеносной войны удались на первом этапе, но они не смогли предотвратить перехода к позиционной борьбе, что потребовало привлечения дополнительных колоссальных ресурсов, как в живой силе, так и в технике» [9, р. 26].

Этот же автор попытался объяснить причины перелома в войне, который вполне определенно наметился к началу 1943 г. Брандт склонялся к тому, что неудачи германской армии были обусловлены преимущественно техническими обстоятельствами. Тяжелая бронетанковая, автомобильная и мототранспортная техника вермахта оказалась неприспособленной к суровой российской зиме. Не разрушенная Красной армией при отступлении часть железнодорожной сети СССР, перешедшая к немцам, не соответствовала западноевропейским железнодорожным стандартам. Поскольку захваченного у русских подвижного состава оказалось явно недостаточно, а использование европейских аналогов требовало замены рельсового полотна, рейх получил очень серьезную транспортно-снабженческую проблему [10, р. 230]. Подобного рода рассуждения, которые могли бы казаться вполне естественными в лекции по военной логистике или стратегическому планированию на курсах подготовки высшего офицерского состава армии США, совсем не вязались с военно-политическими реалиями начала 1943 г. Получалось так, что в разгар финальной фазы Сталинградской битвы уважаемый аналитический журнал чуть ли не с сожалением сообщал своим американским читате-

лям, что для успешного блицкрига Гитлеру не хватило совсем немного – чтобы СССР, готовясь к войне, привел в образцовый по европейским меркам порядок свои шоссейные и железные дороги и заготовил побольше вагонов, дабы обеспечить немцам быстрое и беспрепятственное продвижение вглубь страны.

Материалы, по-иному освещавшие истоки перелома в войне и перехода инициативы от германских войск к Красной армии, также появлялись на страницах журнала. Известный американский корреспондент Л. Стоу, например, видел причины изменения характера войны в военных преимуществах СССР и выделил следующие факторы:

1. Широкомасштабная реорганизация Красной армии, в том числе пересмотр системы обучения и практической подготовки солдат и офицеров, тактики и комплектования командного состава. Высокий моральный дух и патриотический настрой боевых подразделений.

2. Своевременное перемещение отдельных предприятий и целых отраслей промышленности на восток, с Украины и особенно из Донецкого бассейна за Урал.

3. Поставки британских и американских военных грузов.

4. Оснащение Красной армии самыми современными и адаптированными к условиям современной войны танками, артиллерийскими орудиями, самолетами и прочим вооружением советского производства.

5. Закрепление за комиссарами в армии функции «морального лидерства в части». Именно на комиссарах лежала главная ответственность «в деле борьбы с трусами, паникерами, дезертирами» [11, р. 94–95, 97, 104].

Необходимо отметить, что в целом статья Л. Стоу и по стилю, и по содержанию являлась редким исключением среди преобладающей массы публикаций, которым были свойственны бесстрастные интонации, претензии на аналитичность и объективность.

При объяснении неудач немцев на восточном фронте в ряде случаев использовались не военные, а политические аргументы. В таком ключе были выдержаны две статьи Иоахима Джостина, выходца из Германии, эмигрировавшего в США в 1941 г. Отмечая транспортные трудности немцев, последствия тактики «выжженной земли», нехватку продовольствия, топлива, депортации и массовое истребление местного населения [12, р. 333], автор отмечает, что существует еще одна и,

возможно, решающая причина того, почему на захваченных у русских территориях нацисты столкнулись с большими трудностями. В качестве примеров он приводит Украину и Прибалтику.

Джостин напоминает, что перед вторжением нацисты провозгласили цель: освободить Украину от двойного ига – России и большевизма. Они заявили о намерениях создать независимое украинское государство, реставрировать власть бывших помещиков и вернуть им имущество. Эта программа, естественно, была нацелена на то, чтобы привлечь на свою сторону украинских эмигрантов, живущих в Германии и на оккупированных фашистами европейских землях, а также националистические элементы самой Украины. Однако вместо «Великой Украины», которую нацисты обещали создать путем объединения Карпатской Руси, Восточной Галиции с Советской Украиной, появилось нечто совсем иное – «Рейхскомиссариат Украины», который являлся административно-территориальной единицей в составе Третьего рейха. Восточная Галиция получила статус дистрикта польского генерал-губернаторства; Карпатская Русь осталась в руках Венгрии; часть побережья Черного моря, включая Одессу, была обещана румынам. «Мечта о единой и независимой Украине была разрушена» [12, р. 334–335].

На территории Прибалтики произошло то же самое. Когда нацисты оккупировали прибалтийские советские республики, вошедшие в состав СССР в 1940 г., они декларировали свою миссию как освободительную. В странах Балтии, Восточной Польше, в некоторой степени даже в Белоруссии и на Украине (особенно в западных областях) немцы имели шанс завоевать симпатии значительной части населения путем введения более терпимого и лояльного режима, по сравнению с тем, который они только что сменили. По мнению Джостина, у них были реальные возможности для закрепления здесь своих позиций: советская власть еще не успела ассимилировать бывшие страны Балтии; большая часть местных жителей сохраняла враждебный настрой по отношению к советской власти. Готовность приветствовать любую силу, которая ликвидирует большевистский режим, была довольно высокой [13, р. 143]. Однако Гитлер, вместо того чтобы поддержать националистов и рассчитывавших на преференции националистов, а также буржуазные и аграрные элиты, избрал иной путь: игнорирование национальных политических пристрастий, отказ от решения аграрного вопроса, уста-

новление тяжелейших, часто принудительных условий труда в Остланде [14]. В конечном счете здесь повсеместно стали практиковаться те методы правления, к которым немцы больше всего привыкли – германизация, массовые репрессии и аресты. Это, в свою очередь, привело к «спорадическим вспышкам партизанской войны» по всей территории Прибалтики и положило начало объединению партизанского движения в масштабах всей оккупированной советской территории. В итоге немецкая администрация, нередко встречаемая довольно доброжелательно, поскольку с ней связывались определенные надежды на освобождение от большевизма, по мнению Джостина, не воспользовалась своим шансом. Нежелание принять в расчет специфику региона привело к колоссальным ошибкам, репрессивный курс подтолкнул прибалтийские народы вновь в сторону СССР [15], сделав их советскими по сути, несмотря на военно-административное присутствие Третьего Рейха.

Начиная с 1944 г. тема советско-германской войны постепенно стала сходить со страниц "Foreign Affairs". Сюжеты, так или иначе касавшиеся положения дел на восточном фронте, эпизодически продолжали появляться, но теперь не они определяли содержание журнала. Ход войны на востоке Европы сейчас освещался в сугубо констатирующем ключе [16, 17].

Июльский номер 1944 г. был отмечен статьей Г. Ф. Элиота, посвященной рассмотрению состояния германских вооруженных сил. И хотя в ней говорилось о том, что большинство германских дивизий по-прежнему сосредоточено на Востоке, автора в первую очередь интересовало состояние гитлеровской армии в связи с открытием второго фронта [17, р. 509–517]. Вслед за этим появилась еще одна, весьма симптоматичная тема – недоверие. Тот же самый автор в апреле 1945 г. писал о том, что отношения в стане антигитлеровской коалиции не могут быть понастоящему гармоничными из-за того, что по вине руководства СССР «состояние дел в области обмена военной информацией находится далеко не на желаемом уровне». Он также напоминал читателям о том, что «СССР по-прежнему не вступил в войну с Японией» и «не подпускает западных союзников к той части своих военных планов, которая касается войны с Германией» [18, р. 382].

«Великое противостояние» нацизма и большевизма, славян и тевтонов, Германии и России само по себе уже не столь остро интересовало

редакцию журнала. По мере изменения соотношения сил на фронтах и приближения победы над фашизмом военная проблематика отходила на задний план, становясь одним из компонентов комплексной проблемы, более насущной с точки зрения американского понимания целей войны – проблемы планирования послевоенного переустройства мира.

Примечания

1. The Council on Foreign Relations. A Record of Twenty-Five Years. 1921–1946. – N. Y., 1947.

2. Schulzinger R. The Wise Men of Foreign Relations / Schulzinger R. – N. Y., 1984.

3 Юнгблюд В. Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 [Текст] / В. Т. Юнгблюд. – Киров, 1998.

4 Нарочницкая Н. «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки [Текст] // Наш современник. – 2004. – № 3.

5 Hopper B. The War For Eastern Europe / B. Hooper // Foreign Affairs. – 1941. Vol. 20. – October. – № 1.

6. X. Russia and Germany. Political and Military Reflections // Foreign Affairs. – 1942. – Vol. 20. – January. – № 2.

7 Brinton C. Napoleon and Hitler / C. Brinton // Foreign Affairs. – 1942. – Vol. 20. – January. – № 4.

8 Padilla E. Sovereignty and Peace / E. Padilla // Foreign Affairs. – 1942. – Vol. 21. – October. – № 1.

9 Brandt K. Is Germany Exhausting Her Man Power? / K. Brandt // Foreign Affairs. – 1942. – Vol. 21. – October. – № 1.

10 Brandt K. Germany's Vulnerable Spot: Transportation / K. Brandt // Foreign Affairs. – 1943. – Vol. 21. – January. – № 2.

11 Stowe L. The Evolution of the Red Army / L. Stowe // Foreign Affairs. – 1943. – Vol. 22. – October. – № 2.

12 Joesten J. Hitler's Fiasco In the Ukraine // J. Joesten // Foreign Affairs. – Vol. 21. – January. – № 2.

13 Joesten J. Herman Rule in Ostland / J. Joesten // Foreign Affairs. – 1943. – Vol. 22. – October. – № 1.

14 Латвия, Эстония, Литва, Белоруссия и отдельные районы Восточной Польши.

15 Современный исследователь Юлия Кантор приводит данные, подтверждающие резонность аргументов Джостина: «Согласно акту судебно-медицинской экспертизы от 20 января 1946 года, проведенной советскими правоохранительными органами, на территории Прибалтики нацистами были убиты (включая военнопленных): в Латвии – 313798 человек, в Литве 666273 человека, в Эстонии – 61000 человек. Вильнюс, Рига и Таллин лежали в руинах, промышленности не существовало, сельское хозяйство было уничтожено. Таковы были итоги германизации, проводимой нацистами в Прибалтике». Кантор Ю. Прибалтика: война без правил (1939–1945) [Текст] / Ю. Кантор. – СПб., 2011. – С. 231.

16 Eliot G. F. The Invasion of Europe / G. F. Eliot // Foreign Affairs. – 1944. – Vol. 22. – January. – № 2.

17. Eliot G. F. The German Army Today: Number, Disposition, Morale / G. F. Eliot // Foreign Affairs. – 1944. – Vol. 22. – July. – № 4.

18 Eliot G. F. Science and Foreign Policy / G. F. Eliot // Foreign Affairs. – 1945. – Vol. 23. – April. – № 3.